

На идеологию (и, как следствие, — на стратегию) оказывают влияние внешние факторы. Как объективные — тенденции развития научно-технического прогресса, экономические тенденции, развитие мировых рынков и т. д., — так и субъективные — политика тех или иных государств. Подготовка фашистской Германии к войне во второй половине 30-х годов XX века, например, заставила СССР всерьез, радикально изменить не только свои долгосрочные планы развития (включая пятилетки), но и повлияла на фундаментальные идеологические ценности ВКП(б), заставило изменить внешнеполитическую иерархию целей, скорректировать политику в отношении ресурсов, повлияло на социальную политику (отмена выходных, мобилизационная готовность и т. п.). Усиление гонки вооружений в 70–80-е годы в США привело к подрыву экономического потенциала СССР. Это реальность, о которой В. Путин сказал, что «внешние вызовы»

заставляют нас принимать решения в области экономики, культуры, бюджетные и инвестиционные решения». Важно, однако, чтобы это влияние не превращалось в управление.

Иначе говоря, формулирование национальной идеологии и вытекающей из нее национальной стратегии (даже по этой вполне примитивной схеме) находится под влиянием многих объективных (интересы и внешние реалии) и субъективных, позиций элиты. Их адекватный учет и рациональное использование напрямую зависит от профессионализма, искусства политиков, из знаний и нравственности, а, кроме того, способности к стратегическому прогнозу и планированию. То есть субъективный фактор — качество правящей элиты — играет огромное значение при разработке алгоритма национальной стратегии развития. К сожалению, как показывает современная политическая история России, это качество уступает сложности решаемых задач.

5. Неудачные попытки переоценки алгоритма национальной стратегии развития после 2006 года

События последних 25–30 лет все еще предстоит тщательно проанализировать, но уже сейчас совершенно очевидно, что мир в целом вступил в очередную колоссальную социально-политическую и экономическую трансформацию⁵⁵.

В. Якунин

У власти нынешней и власти завтрашней нет цельной стратегии действий, нет продуманных ответов на риски и вызовы в экономике, социальной сфере, тем более — увязки этих решений с меняющейся конфигурацией российской политики...⁵⁶.

И. Юргенс

Неудачные попытки российской элиты 2006–2012 годов перейти к стратегии опережающего национального развития были вызваны множеством причин, но наиболее важная и фундаментальная из них заключается в том, что российская правящая элита пыталась перейти от стратегии стабилизации к стратегии развития в рамках доминировавшей в 90-е годы либеральной традиции и, соответственно, существовавшего её алгоритма. Прежде всего речь идет о том, что не были созданы условия, формирующие социальный и экономический запрос на модернизацию и инновации. Общество и экономика в целом оказались не заинтересованы в 2007–2012 годы в модернизации, как справедливо признает эксперт в этой области В. Ващенко, «Инновационная политика — это действия органов государственной власти и органов государственного управления, направленные на придание экономике инновационного характера развития. Характер и действенность политики определяется тем, как понимается базовый предмет этой политики.

Отсутствие единого понимания сущности и природы инноваций при доминировании представления об инновации как продукте науки, привело к тому, что

главным предметом инновационной политики стали не условия, порождающие необходимость в инновациях (новых способах) и их эффективной реализации, а инновационные ресурсы (продукты науки), которые могут быть (а могут и не быть) востребованы отечественным бизнесом. Базовым положением такой инновационной политики является представление, что инновации создаются силами научно-технического потенциала страны, но могут также закупаться за рубежом.

Таким образом, главным объектом инновационной политики стала наука, которая не только производит инновационные ресурсы, трактуемые как инновации, **но, в соответствии с политикой, еще и ответственна за их внедрение, коммерциализацию и трансфер.** А вузовская наука, к тому же, должна еще создавать малые инновационные фирмы под «разработанные в вузе инновации». На это направлены многочисленные постановления, директивные акты и предписания. Но коль скоро результатов никаких, наука обвиняется в плохом взаимодействии с бизнесом. Проявляется полное непонимание того, что «сферы инноваций» нет, хотя есть сфера науки и есть сфера бизнеса.

Обстоятельный анализ более чем десятилетнего периода формирования и проведения инновационной политики, основанной на вышеприведенном понимании инновации, приводится в выше названном проекте „Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года“.

В проекте отмечается: „Данная стратегия — продолжение проводившейся на протяжении последнего десятилетия политики стимулирования инновационной активности. В 2005 году были приняты Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года, в 2006 году — Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года“. И далее указывается, что „из запланированных в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года результатов на I этапе (2006–2007 г.) достигнуто лишь менее трети от запланированных показателей, ... а на втором этапе (2008–2010 гг.) ... — около 40 процентов“. И делается следующий вывод: „Ключевой проблемой является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике, ... Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций“.

В чем же причины? На первое место ставится „Человеческий потенциал“ с указанием на то, что „личностные качества — мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска также не являются пока характерными особенностями хотя бы значимой части населения страны. В России, по данным Росстата, участие населения (в возрастной группе 25–64 лет) в непрерывном образовании в 2008 г. составило 24,8 %. При этом, в странах с высокой инновационной активностью этот показатель намного выше: Великобритания — 37,6 %, Германия — 41,9 %, Финляндия — 77,3 %“.

Еще одна причина — бизнес, потому что „восприимчивость бизнеса к инновациям технологического характера остается низкой“⁵⁷;

- стратегия макроэкономической стабильности не была сменена на стратегию национального развития, где главным приоритетом стала бы нация, национальный человеческий капитал, а не пресловутая макроэкономика⁵⁸;
- строго говоря, стратегии развития, тем более опережающего, правящая элита и не предлагала в эти годы. Существовала тактика, которая складывалась из:
 - «ручного управления» в противоположность политико-идеологическому, системному управлению;
 - «точечных» финансовых вливаний и частных программ, которые так и не стали стратегическими проектами (например, приоритетные национальные проекты), хотя и претендовали на эту роль⁵⁹;

- сохранения за правящей элитой 90-х годов основных функций управления и использования ресурсов в их групповых интересах. Правящий класс нулевых оставался за редким исключением основным распределителем ресурсов⁶⁰. Как правило, в узкогрупповых интересах.

Парадоксально, но советско-российская элита очень долго не замечала происходящих реалий, уходя все дальше и дальше от адекватности в оценках происходящего в мире и, соответственно, в разработке такого же адекватного алгоритма развития. Это было особенно заметно в 90-е годы, когда об адекватности руководства, элиты вообще говорить не приходилось, а о национальной стратегии или доктрине говорить считалось в политических кругах плохим тоном⁶¹.

Развалив, в том числе и по этим причинам к 2000 году страну, элита принялась лихорадочно и бессистемно восстанавливать государство и его институты. На это ушло, по меньшей мере, 7 лет. К 2007 году было официально признано, что «Россия стала другой страной». «Другой» — по сравнению с 1999 годом: удалось восстановить государственность, уменьшить внешнюю зависимость, в т. ч. от огромного внешнего долга, обуздать амбиции политиканов и олигархов. Перед страной объективно встала задача опережающего развития, которую, как мы увидим позже, решить за 2007–2011 годы не удалось.

В этой связи возникают закономерные вопросы о допущенных в эти годы ошибках. Хотя бы для того, чтобы не повторять их в будущем, хотя *российский опыт точно показывает, что мы не учимся на своих ошибках*.

Итак, в России с 2006 года мы перешли к стадии переоценки как наших национальных интересов и базовых ценностей, так и разработки стратегии. Забегая вперед, скажу, что этот переход затянулся вплоть до 2012 года прежде всего потому, что идеологически и научно правящая элита не смогла осознать, что «развитие экономической мысли наглядно доказывает, что нет ничего более практичного, чем теория»⁶². Эта констатация видного экономиста и чиновника В. Андрианова ясно характеризует значимость науки и идеологии, которую, однако, в 2006–2011 годы отказывалась признать правящая элита. Происходило это по двум основным причинам⁶³.

Во-первых, в прежние десятилетия мы (точнее, наша элита) — и «коммунисты», и «демократы» — часто неадекватно оценивали ценности и интересы России. Сегодня требуется не только вернуться к истокам наших национальных интересов, но и переосмыслить реальное место России в мире, выработать стратегию развития. Строго говоря, многочисленные выступления 2006–2010 годов В. Путина, Д. Медведева, С. Иванова, В. Суркова посвящены именно этому. И хорошо, что именно президент В. Путин сказал об этих ценностях весной 2007 года в своем послании

Федеральному собранию: «...духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность»⁶⁴ (подч. — А. П.).

Завершился период экономического восстановления к 2007–2008 годам, но — и об этом мало ещё говорят — завершился период самобичевания, недооценки собственных возможностей, неоправданного и некритического оптимизма в отношении западных стран и их намерений. Мы устали не только от экономики неолибералов, но и от их идеологии. Настолько, что даже трудности кризиса 2008–2010 годов заметно не отразились на новом курсе, заявленном В. Путиным и продолженном Д. Медведевым. Идеология (точнее — неидеология) периода развала стала уступать место идеям (ещё не идеологии) развития и восстановления национальной идентичности.

Не случайно, что именно со второй половины нынешнего десятилетия появился запрос на различного рода стратегии и концепции, т. е. по сути, идеологические продукты в национальном, отраслевом, региональном и даже местном масштабе, рассчитанные на долгосрочную перспективу.

Во-вторых, как видно из рисунка, описывающего алгоритм стратегии, определение «национальных интересов» зависит во многом и от имеющихся ресурсов. Повторю, как материальных, так и не материальных. Их, конечно же, в России стало больше, а значит и заявленные цели могут быть иные, более амбициозными. Напомню, что к 2007 году ВВП России достиг уровня 1990 года и даже кризис 2008–2010 годов качественно не изменил эту ситуацию. Но, главное, мы начинаем учиться использовать не только материальные ресурсы, но и ресурсы человеческого потенциала — интеллектуальные, духовные, нравственные. Пока ещё учимся плохо. И во многом потому, что о них заявлено в многочисленных стратегиях, но в реальности ещё мало что сделано. Этот процесс осмысления, развития неизбежно связан с идеологией, без которой говорить об эффективном использовании имеющихся ресурсов, формулировании реальных и амбициозных целей — бессмысленно. Кстати, в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года о развитии человеческого потенциала говорится на удивление мало. Этот фактор даже не выступает в качестве главной цели развития общества и экономики. Так, в Разделе III Стратегии (Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты (!!!)) они даже не упоминаются. Как цель, но только как объект инвестиций. Цитирую по документу, принятому, напомню, в мае 2009 года:

«III. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты.

21. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются:

- в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;
 - в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;
 - в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.
22. Внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности реализуются через стратегические национальные приоритеты.
 23. Основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.
 24. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:
 - повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;
 - экономический рост, который достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и **инвестиций в человеческий капитал**;
 - наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;
 - экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны;
 - стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии многополярной модели мироустройства».
- Недооценка ресурса человеческого потенциала — прямое следствие недооценки идеологии в последние десятилетия, которая почти 20 лет не только не участвовала в идеологических спорах и разработке собственных моделей опережающего развития, но и сама «добровольно» превратилась в «рынок» для агрессивной экспансии чужих идеологий. За этот период на российском идеологическом и мировоззренческом рынке появилось множество чуждых идей и систем. Не стоит думать, что это произошло случайно: кто-то ведь финансировал исследования и публикации, заботился о «своих» СМИ и институтах Гражданского общества.

Пока в СССР и России ликвидировались средства идеологической борьбы, созданные в годы конформации, в целом ряде стран создавались новые и модернизировались старые государственные и общественные институты, предназначавшиеся для этих целей, т. е. мы не только обезоружили себя перед чужими идеологиями, но и сами интеллектуально разоружились. Отчетливо это стало видно в 2008–2009 годах, когда внешняя и внутренняя политика России стала «вызывать беспокойство» и, соответственно, ответную реакцию Запада.

Нации, чьи элиты не знают и не защищают своих национальных интересов и не могут сформулировать внятных целей, стратегий, обречены на уничтожение. Но российская элита во многом формировалась в 1990-е годы, когда категории «национальные интересы», и «ценности» не только не признавались, но даже высмеивались, т. е. эта элита во многом росла и воспитывалась на наднациональных и безразличных, в т. ч. неолиберальных, ценностях, заменивших коммунистическую идеологию под предлогом «деидеологизации».

Создание Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России в мае 2009 года стало первой публичной попыткой государства «вернуться в идеологию», хотя и до этого В. Путин, Д. Медведев, В. Сурков и говорили об этом. Но «вскользь», бессистемно, походя, не акцентируя специального внимания.

Не случайно, появившаяся «идеология» Единой России» прямо отсылает читателя к идеологическим сигналам В. Путина. Так, в документе, подготовленном алтайскими единороссами «Ценности и приоритеты партии» в 2006 году, специальный раздел посвящен этой теме. Он так и называется «Идеология президента — идеология партии». Далее цитирую: «„Единая Россия“ за основу своей деятельности принимает основополагающие ценности, изложенные в выступлениях президента. Главной ценностью для партии является человек. Вот почему „Единая Россия“ поддержала предложенные В. В. Путиным приоритетные национальные проекты: здоровье, качественное образование, доступное жильё, развитие ЛПК. Именно от успешного развития этих сфер зависит будущее каждого конкретного человека, а значит, и страны в целом».

Непосредственно вопросам приоритетных национальных проектов посвящено выступление президента РФ В. Путина на встрече с членами правительства, руководством Федерального собрания и членами Президиума Государственного совета (05.09.05).

Партия выступила с предложениями всесторонней поддержки президентских инициатив, внесла свои конкретные предложения по их осуществлению и взяла на себя ответственность за их реализацию на местах»⁶⁵.

Также не случайно, что антикризисная стратегия России в 2008–2010 годах не основывалась ни на стратегии развития (хотя иногда и появлялись дежурные

ссылки о сохранении Концепции социально-экономического развития 2020 в условиях кризиса), ни на идеологии. Сами антикризисные мероприятия имели явно неидеологизированный, бессистемный характер. Что видно хотя бы из многочисленных выступлений на этот отчет, где идеология развития оставалась за скобками рассуждений об антикризисных мерах⁶⁶.

Попытки заменить национальную идеологию «общечеловеческими ценностями», «прагматизмом» и другими искусственными псевдоидеологическими конструкциями привели не просто к провалу, а к поражению России в идеологической борьбе, утрате большинства позиций. И многие наши нынешние беды — запутанные национальные и федеративные отношения, экономическая дезинтеграция, «суверенитеты» и т. д. — лишь следствие «идеологического разоружения», поражения нации и государства. Мы не успели (или не смогли) трансформировать идеологию СССР, принадлежавшую индустриальной эпохе, к идеологии информационно-технологического этапа развития человечества. Мы вообще «забыли» об идеологии, созидании и развитии, занятые разрушением советского общества и государства. Сегодня важно ещё раз вспомнить о причинах и годах «возвращения идеологии».

Более того, первый период правления В. Путина, — период внутривластной стабилизации и восстановления экономики, также по разным причинам не способствовал разработке перспективных идей и моделей. Отчасти — по объективным причинам (было не до этого), но, отчасти, и из-за того, что главный политик (и он же должен был быть идеологом) — В. Путин — видимо сознательно не хотел брать на себя откровенно идеологические функции. Вплоть до 2006 года.

Между тем уже после завершения восстановительного периода 2000–2007 годов объективно возникла потребность и сформировался общественный запрос на идеологию как во внешней среде (необходимость идентификации себя в мире, своих интересов и целей), так и во внутренней (российскому обществу нужна цель развития). Причем, чем лучше обстояли дела в социально-экономической области, тем неотложнее, актуальнее становилось задача принятия стратегии и обязательная в этой связи задача формулирования идеологических приоритетов. Не случайно, в послании президента России 2007 года обе эти задачи оказались совмещены. Примечательно, что ускорение темпов развития в первой половине 2007 года совпало с ускорением роста доходов населения: темпы промышленного роста и ВВП превысили 7%, а доходов граждан и реальной зарплаты — 13% и 18,4% соответственно⁶⁷.

В этот же период был сформирован прогноз и бюджет на 2008–2010 годы. В целом эту ситуацию весны 2007 года хорошо описал бывший посол Великобритании в Москве Р. Брейтуэйт: «Российские политики снова обрели необходимую уверенность

в себе, чтобы высказывать свое видение национальных интересов России независимо от того, совпадает ли оно с мнением Запада. Но эта уверенность до сих пор зыбка, слишком зависима от цен на нефть, от внутренней политической стабильности, основанной на централизации и жесткой дисциплине. Чувство агрессивной уязвимости до сих пор сквозит во всех смелых речах»⁶⁸.

Это точное признание английского дипломата, на мой взгляд, говорит одновременно о непонимании Западом мотивов российской элиты, с одной стороны, но, одновременно, и о том, что сами эти мотивы нами не до конца сформулированы, с другой.

Таким образом, усиление государства без его ясной идеологической составляющей отмечено в 2006 году, привело к росту настороженности за рубежом, усилению враждебной критики в адрес России. Усиление идеологии, в основе которой находилась не доктрина, а выступления лидера, «сигналы» обществу неизбежно вызывает вопросы как за рубежом, так и внутри страны. И обеспокоенность тоже, ведь не ясно (куда в конечном счете заведут эти «сигналы»). Как отмечал в декабре 2006 года министр иностранных дел РФ С. Лавров, «нарастание такой критики происходит по мере того, как Россия становится более уверенной в своих силах. Наверное, всегда есть желание у конкурентов постараться своего партнера-конкурента как-то ослабить»⁶⁹.

Это самое простое объяснение. Но не обязательно самое верное. Дело в том, что сильное, независимое государство, которым становится Россия, должно четко себя позиционировать в мире. И прежде всего идеологически. Наши партнеры и союзники, а тем более оппоненты, должны ясно понимать, чего мы хотим и что готовы за это заплатить, а за что нет. На мой взгляд, они готовы смириться даже с нашими завышенными амбициями, если мы их толком и аргументированно сможем заявить. Но с чем они определенно не готовы смириться, так это с нашей непрогнозируемостью, завуалированностью наших целей, вытекающей из отсутствия внятной идеологии и стратегии.

Ситуация стала меняться со второй половины 2011 года — с выдвижения глобального евразийского проекта — и особенно в начале 2012 года, когда В. Путин выступил с серией статей, имеющих концептуальный характер. Его выступления были «направлены на оформление новой повестки дня и по факту уже формируют ее»⁷⁰, — отмечал политолог Б. Кагарлицкий.

Примечательно, что обсуждать по существу предложения В. Путина оказалось не готова не только оппозиция, но и собственно сторонники В. Путина, что говорит в пользу неспособности интеллектуально-политической элиты России пересмотреть прежние алгоритмы идеологического и политического развития.

6. Модернизации, инновации и алгоритм национальной стратегии развития после 2012 года

...есть много чудачков, принимающих «новый улучшенный шампунь» за прогресс, новую версию Windows за инновации, а «оранжевую революцию» за всемирно-историческое событие...⁷¹.

О. Матвейчев

Без ясного представления о динамике мировой системы невозможно выработать адекватные стратегические приоритеты...⁷².

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Перед Россией, как и другими странами, не раз за ее историю возникала проблема модернизации. И каждый раз она решалась по-разному, в зависимости от эффективности избранной стратегии. Наиболее успешно при П. Столыпине, когда менее чем за 10 лет промышленное производство выросло на 88% (реальное «удвоение ВВП»), запасы зерна превысили 5,6 млн т (двухлетний объем зернового экспорта современной России), а расходы на образование увеличились в 10 раз⁷³. Коренные изменения произошли и в социальной структуре России: из общины вышла почти треть крестьянских хозяйств. И все это на фоне массового террора (более 26 тыс. актов) и сложной международной обстановки.

Иные стратегии модернизации предлагались С. Вите и И. Сталиным (индустриализация за счет сельского хозяйства), Н. Хрущевым, Н. Косыгиным, Ю. Андроповым, наконец, никакой стратегии не предлагалось М. Горбачевым.

В 1990-е годы также была предложена стратегия своего рода модернизации, когда рыночные механизмы, не контролируемые обществом и государством, сам по себе должны были модернизировать экономику и общество.

Первое десятилетие нового века было посвящено стабилизации и разговорам о будущей модернизации, которое в конце нулевых стали приобретать некую форму.